

Авторефлексия и самопознание

Анисимов О.С.¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Получено: 30.11.2015
Опубликовано: 31.03.2016

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

методология, психология, философия, рефлексия, самопознание, метод Гегеля, чистое мышление, культура, метод работы с текстом, Московский методолого-педагогический кружок.

АННОТАЦИЯ:

Каждый человек согласится, что познание себя осуществляется в течение всей жизни. Одни люди не замечают прирост знаний о себе и даже сам процесс дополнительного познания. Другие — обращают внимание на процесс дополнительного познания себя.

Autoreflection and self-perception

Oleg Anisimov¹

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ARTICLE INFO:

Received: 30.11.2015
Accepted: 31.03.2016

KEYWORDS:

methodology, psychology, philosophy, reflection, self-knowledge, the method of Hegel, pure thought, culture, way of working with the text of the Moscow methodological-pedagogical circle.

ABSTRACT:

Everyone will agree that studying of yourself is going on within the whole life. Some people do not notice the increase of knowledge about themselves and even the process of cognition. Others pay attention to the process of self-studying.

CITATION

Анисимов О.С. Авторефлексия и самопознание // Живая психология. — 2016. — Том 3. — № 1. — с. 11-28. — doi: 10.18334/lp.3.1.364

Oleg Anisimov (2016). Autoreflection and self-perception. *Russian Journal of Humanistic Psychology*, 3(1), 11-28. doi: 10.18334/lp.3.1.36413

Каждый человек согласится, что познание себя осуществляется в течение всей жизни. Одни люди не замечают прирост знаний о себе и даже сам процесс дополнительного познания. Тем более не контролируется переход от случайного процесса и полученного результата к менее случайному. Другие — обращают внимание на процесс дополнительного познания себя и это, как правило, связано с реагированием на необычные ситуации, новые условия, вызывающие необходимость самоорганизации, принятия решений, зависящих от готовности и необходимости создавать ее, опираясь на знания о своих возможностях. При указанных различиях типов людей можно выявить характерные черты, присущие всем с различными акцентировками в их проявлениях, с замедлением или ускорением появления более совершенных знаний о себе, с большим или меньшим углублением содержания знания.

Для приведения примеров внешнего анализа этих явлений привлечем рассуждения древних греческих философов. Сначала выделим мнение Гераклита [38]. Он утверждает, что большинство людей не понимает того, с чем встречается, да и, научившись, они не понимают, а им кажется, что они понимают [38, с. 43]. Понимание, построение знания о встреченном, которое имело бы соответствие содержанию встреченного, не возникает «автоматически», требует прохождения этапов случайного запечатления и обработки материала запечатлений, включающей, как обычно трактуют, «анализ» и «синтез», а также «обобщения» и др. Даже учение не гарантирует, что обработка материала, полученного в созерцаниях, дает адекватное отражение, знание о встреченном. Гераклит подчеркивает, что

человеку свойственно считать, что образ встреченного является адекватным в силу субъективной уверенности, без введения дополнительных процессов проверки на соответствие содержания образа тому, что он отражает. Следовательно, обращая внимание на себя, человек замечает или воображает то, что ему «кажется» более значимым, в данном случае в ответе на вопрос об адекватности образа, причисления его к категории «знание». Знание о себе становится неадекватным, ошибочным реально, а субъективно оно оценивается как адекватное. Однако такое же несоответствие порождается не только относительно внешнего мира, но и в отношении к себе. Строится образ «Я», который субъективно считается верным, тогда как при дальнейшей проверке может легко оказаться, что образ неверный, ошибочный. Регулярная практика игромоделирования, в которой роль рефлексии выступает как решающая в обеспечении адекватности в решении игровых задач, и она осуществляется регулярно, показывает, что к знанию о себе, обладающему высокой адекватностью, приходят сложным, длительным путем [11; 48; 49].

В жизненном процессе человек накапливает первичные знания, закрепляет их, оформляет, делает более надежными и применяет в осуществлении подобных действий, создает инерцию «подтверждения» адекватности знания и рутинности распознавания новых сюжетов жизни. Но человек неизбежно встречает то, что не соответствует уже готовому знанию, что предполагает познание «нового», нередко более значимого для жизненного процесса. Готовность к встрече с таким «новым» отмечает и Гераклит. Он считает, что если человек не ожидает неожиданного, то не найдет и сокровенного и трудно находимого [38, с. 43]. Чем более

сложным является «новое», чем оно более скрыто от созерцания, тем оно труднее выявляется и предполагает более сложные познавательные процессы для раскрытия содержания. Это применимо и для более глубокого познания себя. Человек делится результатами познания, участвует в соответствующей коммуникации, и в ней возникают условия для критического отношения к изложению версий, «недоверию» к содержанию мнения и необходимости доказательства адекватности версии, знания о встреченном, к перспективе коррекции содержания версии. Поэтому Гераклит подчеркивает источники уклонения от проверок, доказательств версий автора. Он говорит о таких людях, что они не умеют ни выслушивать, ни излагать свои мнения о чем-либо [38, с. 43]. Такими дефектами могут обладать и многознающие. Тем самым нужно предполагать, что необходимо ожидать неадекватных версий и от них. Гераклит утверждает, что самый испытанный мудрец знает и соблюдает только мнение, хотя Правда настигает лжецов [38, с. 43]. Следовательно, люди могут ошибаться, идя к «истине», но достигая лишь приближения к ней, а для обнаружения субъективной случайности знания требуется «Правда», внешнее условие, «эталон» знания, средство проблематизации уверенности человека в его адекватности в познании. Откуда и как появляется этот «эталон», средство проблематизации? Гераклит лишь указывает, что мужи-философы должны очень много знать [38, с. 44]. Но необходимо не только много знать, но и иметь ум. Гераклит подчеркивает, что многознание не научает быть умным [38, с. 45]. Обращение к уму означает наличие знания о себе, имеющего или создающего, порождающего более высокую способность, чем имитационное уподобление, о себе, как

использующего эту способность, результативно или эффективно, для успешности в достижении намеченной цели; снижающего уровень и неадекватности знания. Эту способность Гераклит называет разумом, и мудрость заключается лишь в одном, в признании разума как управляющего всем и при помощи всего [38, с. 45]. Неслучайно он также подчеркивает, что неразумный человек способен увлечься любым учением [38, с. 49]. Доверие к учениям, к мнениям подобно начальной стадии познания через уподобление, когда подхватывается случайность в динамике внешних условий и для отстранения от нее, при устремленности к адекватности в познании требуется участие «ума», своего «Я», следующего поставленной цели, озабоченного ценностью неслучайного в знании, в действии и т.п. Только рефлексия неудач, опыта случайного отношения к реальности и накопления желания к менее случайному бытию опознает различие между «истинным» и «ложным», образovanностью и невежественностью. Гераклит рекомендует скрывать невежество, что затруднительно при распушенности нравов [38, с. 50]. Если человек понял, что «истина» является особым типом «добра» для человека, помогает ему успешно и добродетельно жить, то он идет по пути мышления. Гераклит считает, что мышление — великое достоинство и мудрость — состоит в том, чтобы говорить истинное и, прислушиваясь в природе, поступать с ней сообразно [38, с. 51]. Указание на природу не ограничивается восприятием воздействий природы, а включает выявление в воздействии причин, законов, присущих природе. А людям свойственно мыслить и познавать себя [38, с. 51].

Тем самым человек имеет разнородные, разноуровневые способности. Он и созерцает в познании, и умопостигает,

он и обращает познавательный взор на себя «созерцательно» и «умопостижательно». Учитывая трудности в познании себя и неизбежные ошибки, человек вносит изменения в своем поведении, в отношениях с другими людьми, стремясь уменьшить негативное влияние ошибок и даже невежественности. Он также учитывает ошибки для самосовершенствования.

Благодаря познанию появляются соответствующие законы. Так, Демокрит и Левкипп утверждали, что ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости у мира есть рождение, рост, гибель, все вообще — прошлое, настоящее и будущее — совершается по необходимости, но начало, причину того, что вечно, они считают, не следует искать [38, с. 66—67]. Поэтому то, что наблюдаемо, рассматривается как доступное причинному анализу. Но есть случаи, когда непонятное для человеческого ума представляется как нечто божественное, сверхъестественное [38, с. 68]. Как и Анаксагор, а затем и стоики, Демокрит считал, что причины вещей неясны для человеческого рассудка, так как одни вещи существуют по необходимости, другие — по определению судьбы, третьи — по решению воли [38, с. 69]. Но, если что-то существует по решению воли, то может происходить и неразумное, нелепое, и тогда случайность признается госпожой всего и, в частности, божественного, хотя Демокрит и старается удалять случайность из жизни людей, порицает глупцов [38, с. 69]. Следовательно, для него проявление воли может быть не только разумным, и оно может наносить вред, чему необходимо противиться. Но нельзя это осуществить, не зная о неразумности и разумности, не зная себя и других, не направляя себя на более разум-

ное, сопротивляясь неразумному. Демокрит считает, что случай и ум противоречат друг другу, при этом проявляя не возникшее по случайности, а умнейший случай, и в жизни мудрецов случай играет незначительную роль, а ум самое главное устраивает в жизни и будет устраивать, мудрая проницательность направляет к достижению намеченной цели [38, с. 69]. Об этом говорил еще Анаксагор, считая, что ум, разумение являются строителями и правителями действий [38, с. 70]. Ум помогает осуществить целенаправленное действие, но момент случайности в этом остается и «точность» действия остается относительной.

Демокрит в анализе природы фактор ума учитывает с точки зрения его отсутствия и поэтому огонь, вода, земля, воздух существуют благодаря случаю, не благодаря искусству, по присущей телам силе, столкновению, подлаживаясь как-то друг к другу, по необходимости, смешиваясь в противоположностях, не по причине ума, не благодаря богу [38, с. 70]. Поэтому наличие ума и воли предполагает процесс их возникновения, другую причинность, имеющую «свободность», а не только столкновение, как у атомов [38, с. 71]. В силу подчинения иной причинности, человек имеет мнение, а не знание, как результат «притекающих к нему» образов, а не по истине, осуждая приписывание ощущениям силы достоверности, так как воспринимаем лишь то, что изменяется и истина в них скрыта [38, с. 76]. Тем самым в познание вмешиваются факторы случайности и признается существующими не условно лишь атомы и пустота [38, с. 77]. Считая, что мышлению нет предела, Демокрит учитывает чувственный фактор, мешающий проникать мыслью всю беспредельность, обретать истинность умопостигаемого, что отме-

чал и Платон [38, с. 77]. Иначе говоря, обретая момент «свободы», человек в нем находит и беспредельность возможности мышления, и зависимость от случайности телесных факторов в процессах познания и действия. Обращаясь к разуму, он считает, что его победа является и его падением через возможность опровержений, опираясь на случайность ощущений [38, с. 78]. А всякий продукт воображения не может быть истинным, — утверждают Демокрит и Платон, возражая Протагору [38, с. 78].

Если познавательные способности двойственны, опираются на принципы уподобления, следовательно, и случайности уподобляемого, и на принцип воображения, имеющего момент «свободности», что присуще и уму, то возникает проблема прихода к истине, необходимость выявления возможности преодолеть отклоняющие воздействия от перспективы порождения адекватного знания, возможности порождения истинных знаний. Этот поиск находится в зоне рефлексивного отношения к себе, в котором реализуется и сомнение в истинности, и стремление к истинности, и опознание новых возможностей, и построение иных процедур в познании и в регуляции действий в устремленности к целедостижению. Поэтому Демокрит различает, с одной стороны, ощущение и воображение, относящееся к явлению, и ум, относящийся к истине, а явление относится к истине так же, как душа к уму [38, с. 79]. Однако Демокрит сомневается и предполагает, что либо нет ничего истинного, либо истина есть, но скрыта [38, с. 80]. Само мышление, по его мнению, опирается на изменения тела, бывает при гармоническом состоянии души в зависимости от смеси, образующей тело [38, с. 80—81]. В рамках научного исследова-

ния Демокрит ставит акцент на размышления, логические суждения, приписывая им достоверность и истинность, так как они касаются более тонкого, недоступного чувственному восприятию, но доступного умственному взору [38, с. 84—85]. Мы видим, что Демокрит, как и многие другие, пытается разобраться в неоднородности человека, в его разнотипности возможностей, способностей. Одни из них подчинены принципу природной необходимости, а другие — принципу внутренней возможности выходить за рамки жесткой необходимости, что предполагает свободу воображения, ведущего как к постижению невидимого, так и произволу самовыражения.

Так, Прокл поясняет роль языка, имен, способности вводить имена, тем более, что ум заключает в себе образы, выражающие сущность, совмещенную со словом, создает виды и числа, познает себя и обладает мудростью, да и образовывать имена, по Пифагору, не может всякий, кому вздумается и доступно лишь тому, кто видит ум и естество сущего [38, с. 151]. Тем самым, вместе с учетом особенностей языка, человек приобретает возможность знать себя, постигать свои более развитые способности, включая ум, волю, целенаправленность, настойчивость в достижении целей, выработку отношения к другим людям. Демокрит также подчеркивает роль языка, его единиц, правил оперирования единицами, искусственности языковых средств [38, с. 151]. Полагая имена, люди даже открыли силы богов, а политика лишь в незначительной части имеет общее с природой, имея много общего с искусством, с неистинным [38, с. 152]. По этим же основаниям Демокрит отрицал справедливость, оставляя устремление к хорошему расположению духа, к доступному для своих сил,

так как надлежащий достаток надежнее, чем избыток [38, с. 153]. Он рекомендовал отказываться от всякого удовольствия, которое не полезно [38, с. 154].

Как мы видим, анализ человеческой жизни приводил мыслителей Древней Греции, как и других мыслителей, проживавших в иных частях цивилизационного пространства, к выявлению особенностей человека, его неоднородности, совмещенности способностей к природному и социокультурному бытию, различия принципов организации поведения в «естественных» и «искусственных», общественных средах. На этом пути самопознания выявляется и роль языка, согласований, введения норм поведения, способов решения тех или иных задач, постановки проблем, постижения будущего, прогнозирования, построения проектов совместных усилий и т.п. В результате опознавались и положительные, и отрицательные следствия подчинения законам природы и законам общества в жизни людей, способных стать над ситуацией, освободиться от одного типа причинности и прикрепиться к другому. И в основе двойственности бытия лежит рефлексивная способность, направляющая человека и к подтверждению, укреплению прошлого опыта, и к опровержению, устранению его в переходе к иному, желаемому или вынужденному опыту.

Как известно, Лейбниц рассматривал два источника познания — чувство и рефлексия, как внимание, обращенное на то, что заключено в нас, а не вовне [33]. Локк трактовал рефлексия как наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способ ее проявления [37]. Тем самым внимание человека обращено вовнутрь, а не вовне, и внутри в качестве объекта изучения предстает «ум». Но сама

рефлексивная установка должна охватывать весь субъективный мир. Кант разъяснил более подробно. Он подчеркивал, что рефлексия не имеет дела с самими предметами и она есть состояние души, в котором мы приспосабливаемся к тому, чтобы найти субъективные условия образования понятий, рефлексия есть сознание отношений фиксированных представлений к нашим способностям познания, и мы должны решить, к какой способности познания относятся эти представления до всякой дальнейшей обработки [29, с. 186—189]. Обращение внимания на способности, внутренние условия интеллектуальной и иной субъективной активности является принципиальным. Субъективная рефлексия, наряду с применением языковых средств и вхождением в отношения нормативного характера, в общественные отношения, ведут к выделению механизма сознания и самосознания, мышления и самоопределения, к появлению механизма сознаваемой самоорганизации. Именно на этом пути возникает свойство «произвольности» действия, целенаправленности и т.п. Фихте дополнительно поясняет, что рефлексия есть состояние отличное и даже противоположное внешнему восприятию, и знание о себе выявляет бытие свободы, в знании субъективные качества и реальный объект не совмещены и человек как бы парит над ними, а свободу он получает от объективированного мышления, поднимается над бытием, совмещая свободу и связанность, и рефлексия поднимает знание над связанностью и построением знания, порождая сознание самого построения [46, с. 8—10]. Следовательно, в рефлексии осуществляется открепление от прямой зависимости, в которой находится субъективность в ходе действий, — от этих действий. Внутреннее расслоение на встроенность субъек-

тивности в действие и освобождение от встроенности только и позволяет сочетать реконструктивное отношение к действию с перспективным, конструирующим будущее действие отношением, следовательно, и со средним моментом, введением различия между прошлым и будущим, которое оформляется в проблематизации. В рефлексии субъективность «парит» над соотношенностью прошлого и будущего, а для перехода к будущему, к иному действию необходима внутренняя установка на реализацию содержания будущего действия, что и соответствует стадии перехода от рефлексии к действию по результатам рефлексии [7; 49].

Особую роль в раскрытии роли рефлексии в развитии субъективности сыграл Гегель в своей панораме пути духа от природности к высшим проявлениям, которые он назвал «абсолютным духом» [27]. Рефлексия является средством выхода за пределы природного побуждения и обеспечивает внутреннее сравнение побуждений с побуждениями, побуждения с целями и т.п. Этим природное, непосредственное замещается опосредствованностью в построении действий, от следствия осуществляется переход к причинам, к принятию решений, следовательно, к появлению «Я», его совершенствованию, трансформации во все более обобщенное «Я», свободное от случайности внутреннего источника построения поведения. Это «освобождение» происходит в ходе социализации и окультуривания. Гегель раскрывает этапы «субъективного», «объективного» и «абсолютного» духа, в каждом из которых происходят все более глубокие трансформации «Я», обеспечивающие качественный рост неслучайности самоорганизации во внешних социокультурных средах [см. также: 4; 23]. Гегель подчеркивает, что рефлексия, через пос-

редство усвоения субъектом высших критериев, высших различий в языковых парадигмах, становится «бесконечной», преодолевшей природную содержательность, прагматичность целей и принципов, соотносящейся лишь сама с собой, неся в себе высшие начала всего. Именно тогда она становится основанием проявлений субъективности в искусстве, религии, философии [см. также: 19]. Сама философия, высшая стадия развития субъективности, и предопределяет соответствующий философскому мышлению «метод», который Гегель назвал «абсолютным» [21].

Тем самым в ходе субъективного развития реализуется сопряжение внутреннего пути и внешних условий для все более существенных внутренних преобразований. Характерно, что в интеллектуальном пространстве в СССР появление рефлексивного движения было связано с внутренними дискуссиями о сущности рефлексии с разделением акцентировок на «внутренние» и «внешние» факторы явления.

В отечественной философско-методологической мысли рефлексивное направление, начиная с 60-х годов прошлого века, заняло особое место, став в настоящее время источником огромного количества нововведений в гуманитарную науку и практикоориентированную аналитику. Во многом положительный потенциал сложившегося рефлексивного движения был порожден разработками В.А. Лефевра и дискуссией с Г.П. Щедровицким. Характеризуя динамику философской мысли о рефлексии, Г.П. Щедровицкий отмечал, что на рубеже XI—XII столетий рефлексия из плана культуры, мышления и деятельности была перенесена в план сознания и психики, считая, что сознание рефлек-

тирует само себя и деятельность человека, и это понимание было развито в XV—XVIII столетии, а затем в немецкой классической философии [51]. Человек не только относится к внешним объектам, но и к своему отношению, к себе. Для И. Канта рефлексия есть состояние души, отношение представлений к способностям человека, способностям познания, и все суждения требуют рефлексии, различения способности познания, которой принадлежат понятия [30]. В свою очередь, Г. Фихте подчеркивал в рефлексии бытие свободы, поднимающее сознание над бытием, освобождающее его от бытия и вносящее порождение, возможность создавать или не создавать образ [47]. Гегель опирался на эти свойства субъективного мира в своем учении о духе и его развитии [26]. В.А. Лефевр инициировал внимание к исследованию рефлексивных процессов в начале 1960-х годов, используя методы моделирования [35]. Он по новому использовал потенциал сложившихся в философии представлений о рефлексии, внося преимущества моделирования, придавая теоретическому конструированию высокую определенность. Так, в концепции саморефлексивных систем исследователю системы предписывается заимствование «проекта», которым руководствовался «конструктор» объекта [36]. Если сама система имеет компонент, способный исследовать систему, осуществлять заимствование места конструктора, содержания проекта системы, то она становится рефлексивной системой. Обращаясь к коллективу как системе, привнося различие «лидера» и «рядового», способность лидера строить проекты совместных действий на основе знаний об устройстве коллектива и совместных действиях, привлекая для этого планшет с арсеналом языковых средств, В.А. Лефевр демонстрирует создание

модели саморефлексивной системы. Тем самым смысловые ориентиры мыслителей прошлого оформляются в те конструкции, которые удобны для проведения исследований. В рефлексии сочетается познавательное и конструирующее отношение к объекту, предполагающее способность открепления от прошлого и прикрепление к будущему, полагаемому от имени «Я», субъективного механизма.

Обращение к внутрисубъективным отношениям традиционно для психологии. Но в социокультурной практике, в мире деятельности, опирающемся на принцип реализации требований норм и зависимость от содержательности норм, механизмов коррекции норм и т.п., то есть на то, что подвержено контролируемому и однозначному слежению, удобному для оценивания и совершенствования, зависимость от субъективной неопределенности и динамичности внутренних изменений, в том числе и в реализации познавательной и нормативной функций, является постоянным фактором случайности в ответственных процедурах и отношениях. Поэтому акцентировка Г.П. Щедровицкого как бы противоположна подходу В.А. Лефевра. Она обращает внимание на очевидное в кооперативных отношениях и выявляет характерное для рефлексии функциональное распределение позиций рефлектируемого и рефлектирующего, выводит источник рефлексивных отношений вовне и создает условия для введения определенности, однозначности, ответственности содержания ретроспективной и проспективной рефлексии. Сама по себе дискуссия двух лидеров методологического движения, в ее острой фазе, обладает моментом «странности», так как обе акцентировки справедливы, имеют свои оправдания и подтверждения, отражают различные стороны одного типа явления,

хотя при поиске модельных подтверждений всегда можно найти модели, скрывающие в своей содержательности те стороны, процессы, которые более соответствуют специфике противоположного акцента. Огромный опыт моделирования в играх показывает неограниченное многообразие вариантов сюжетов для любых рефлексивных акцентировок [9; 40]. Неслучайно, что именно переход к игромоделированию способствовал усмотрению в рефлексивном механизме субъективных предпосылок и генетических переходов к моделям социотехнической направленности. Острота дискуссий стала преодолеваться. Тем более, что количество и разнообразие рефлексивных исследований и разработок нарастало вместе с осознанием ключевой роли рефлексивного фактора во всех типах общественных отношений на фоне драматических изменений в стране и обращенности как к кризисным явлениям, так и поиску путей к эффективности инновационных усилий [10; 34].

Дискуссия по сущности и моделям рефлексивного механизма [44], как и любая подобная дискуссия между приверженцами разных мнений и подходов к раскрытию сущности явлений, обладает неизбежной исторической специфичностью и особенностями индивидуальных качеств участников. Но зов научности предполагает преодоление моментов случайности в дискуссиях, что обеспечивается арбитражной позицией, в которой конструируется абстрактный заместитель множества версий, реализуется критерий различия «смысла» и «значения», осуществляется индуктивный взлет в понятие и гегелевскую «клеточку» для перехода к дедукции [48; 14]. В то же время требования к исходному предикату в дедукции имеют не только логическую, но и онтологическую стороны [12]. Тем

самым мыслетехническое мастерство конструкторов понятий имеет свое творческое начало, но продолжается десубъективацией в рамках идеи «истины».

Как известно, обобщению эмпирических данных предшествует «эмпирическая схематизация», сохраняющая случайность эмпирического материала, но сокращающая его объем и разделяющая менее и более значимое для ответа на вопросы о сути явления. Затем осуществляется конструирование абстрактных замещений с сохранением разрозненности выделенных в схеме фрагментов с учетом их содержательности, а затем совмещение абстрактных единиц по критериям рассудочной рационализации. На этой стадии и осуществлялся конструктивный рационализм со всей присущей В.А. Лефевру и Г.П. Щедровицкому талантливостью и изощренностью, направленный на разные сектора множества характеристик рефлексии и равнозначимые моменты. Важна удержанность атрибута «свободности» Фихте, разделяющей и соединяющей обращенность и на прошлое, и на будущее, а также их соединяющую проблематизацию. Противопоставление субъективным сторонам рефлексии в начальных воззрениях Г.П. Щедровицкого объясняется жестким разделением предметов анализа, тогда как рефлексия, как и любое объектное целое, требует конфигурирования предметов для выхода в онтологическое замещение, а также применения псевдогенетического метода, форма которого была раскрыта Гегелем. Полемика представителей психологического акцента на семинарах лидера ММК и выразителя методологического метапредмета является характерной для 1970—1980-х годов. Для снятия противопоставлений и удержания достигнутых результатов мы осуществили псевдогенетическое конс-

трирование последовательности психологических категорий, выделив момент отрыва социотехнической акцентировки от психотехнической и ведение линии последовательности категорий теории деятельности [1]. Ориентиром служили панорама развития духа у Гегеля и взгляды Маркса об эволюции мира деятельности, с учетом деятельностной парадигмы ММК. Кроме того, в поиске более надежной технологии псевдогенеза в осуществлении дедуктивных процедур, мы пришли к раскрытию в 1981—1982 годах «тайны 3 и 7», имевшей выделенную значимость в разработках В.Н. Коровякова, Бартини, Крона и др., уделявших большое внимание онтологии и типологии мировых констант; создали схему «метафизическая семерка», а позднее, в связи с рассмотрением типологии цивилизаций, схему «метафизический ромб» [3; 17].

Таким образом, мы оформили диалектическую онтологию, которая помогла раскрыть усилия Аристотеля по ведению содержательности первооснования, учитывая опыт Анаксагора и Гераклита, причины достигнутого успеха в определении содержательности исходного предиката и остановки в раскрытии механизма диалектической дедукции, решенности этой проблемы только Гегелем спустя более, чем две тысячи лет [24]. Мы операционализировали утверждение Аристотеля о том, что единица бытия, «нечто» имеет противоположностями «форму» и «материю», а затем, принимая во внимание учение Платона об идеях, внесли вместо триады моментов «нечто» его универсальную характеристику с наличием семи моментов, что и позволило оформить гегелевскую панораму развития духа с переходом в его онтологию. Возникли средства не только системного, но и метасистемного подходов [17].

Исходя из возможностей метасистемного подхода и формы его дедуктивной мыслетехники, мы подтвердили значимость версии В.А. Лефевра, практическую для теоретиков и аналитиков полезность его мыслетехники, а также совместимость с версией Г.П. Щедровицкого на определенном этапе дедуктивного развёртывания онтологии рефлексии, рефлексивного пространства, непосредственную применимость онтологии в типовых сюжетах стратегического мышления при наличии онтологии макросистем уровня страны и цивилизации [22].

При наличии осознания значимости рефлексии в целом, в ее различных уровнях развитости субъективная рефлексия занимает особое место в самоорганизации человека. Благодаря ей человек изучает, критикует и проектирует себя, реконструируя субъективное присутствие в любом типе ситуации и организационных систем, реализуя установки на вписанность, совершенствование своего присутствия или ситуационных условий, организационных рамок, самоустранение из неприемлемых форм пребывания и т.п. Для придания неслучайности своему самовыражению в меняющихся сюжетах жизни человеку необходимо познать и оценить внешнюю реальность, познать, оценить, увидеть перспективу полноты использования своего совокупного потенциала, телесного, душевного, духовного и др. Чтобы справиться с такой «задачей», нужна масштабная, рефлексивная по сути, подготовительная работа, продолжаемая и в дальнейшем. В то же время нельзя ограничиваться естественным накоплением знаний о себе и о мире. Следует учитывать и реальную неограниченность получения новых сведений, трактовок, ориентаций, неизбежных коррекций способов приложения сил, их временную организацию и т.д. Тем более, что в цен-

тре внимания должен оставаться конкретный человек, познающий и движущийся к полноте проживания, укрепления своей самости.

Озабоченность самопознанием проявляется различным образом и в различных масштабах в зависимости от индивидуальных особенностей, степени предрасположенности конкретного человека, типа его субъективности, с одной стороны, и от складывающихся на его жизненном пути условий, типа социокультурной среды, воздействующей и вызывающей характерные реакции у пребывающих в ней, в данном случае стимулируя субъективную рефлексию, — с другой стороны. Материал для анализа явлений повышенной потребности в субъективной рефлексии представляет участие в методологическом движении [6]. Оно связано с достижением результатов, опираясь на огромное интеллектуальное напряжение. Специфика решаемых задач и проблем в методологии в рамках требований, сложившихся в Московском методологическом кружке, состоит в особой форме дискутирования. Это требования к пребыванию в дискуссионном процессе как в организационной форме «семинара», так и «игрового моделирования», ориентированных на постановку принципиальных проблем в той или иной науке или практике, насыщенных интеллектуальными трудностями, поисками, конфликтами [45; 52; 53].

Наряду с повышенной сложностью содержания, их разнообразием, множественностью сталкивающихся мнений, в таких формах коммуникации выделяются характерные требования к «автору», «понимающему», «критику», «организатору», к их взаимодействиям, обусловленные объективной необходимостью выхода за пределы привычных ответов на новые вопросы, потребностью в новых

вопросах, субъективной мобилизации под идею принципиальной постановки проблем. Помимо содержательной стороны обостренной коммуникации, интеллектуального взаимодействия, особо выделяется сторона организации процессов в каждой из позиций, придание высокой неслучайности формам процессов, совмещению процессов в единый механизм коллективного поиска.

Особую значимость в коммуникативных взаимодействиях играет ценность и соответствующие субъективные установки на обоснованность мнений и способов их порождения, способов совмещения усилий. В связи с этим выделяется потребность в критериальном обеспечении применения и разработки способов мышледействия, в ведении инструментально-мыслительных оснований. Инструментализация оснований, обращение к понятиям, категориям стимулируют к прохождению осознанного пути выращивания способности к адекватному пользованию средствами мышления и, тем более, к корректному конструированию таких средств. Все это создает условия для насыщения базисного процесса поисков тем количеством обязанностей, которые, в силу их непривычности для начинающих методологизацию, ставят участников творческого процесса перед выбором. Им либо следует отказаться от попыток следования требованиям методологической среды, либо прилагать огромные усилия по приведению к соответствию, совершенствовать механизм рефлексивной самоорганизации, выделять в нем момент самокритики, самокоррекции, самоотношения в направленности на самоизменение и перспективу саморазвития. Объективная необходимость участия в качественных изменениях воззрений и оснований, через посредство процедур проблематизации

и депроблематизации, в том числе с возможностью кардинальных трансформаций оснований и механизмов, перехода к иной парадигме не оставляет выбора для тех, кто решается идти «по новому», с постоянным напряжением всех внутренних сил. Типовые черты такого процесса описаны в методологии науки [31; 32; 39].

На фоне указанных сюжетов перестройки способов интеллектуального самовыражения, адаптации к требованиям организованной мыслекоммуникации, приобщения к установкам и особенностям культуры мышления мы выделили проблемы, связанные с самоорганизацией входящего в методологическое сообщество, осознавшего объективную значимость и перспективность методологизации мыслительной практики и устремленного на полное освоение накопленного арсенала методологических средств, методов, моделей, стереотипов. Такое устремление появляется сначала в форме интуитивного оценивания наблюдаемой методологической практики, ее перспективности как проявление особой интеллектуальной проницательности, инерции творческого опыта и склонности к высшим формам интеллектуального самовыражения в сочетании с высокой требовательностью к себе, готовностью к положительному отношению к внешней критике, к вписыванию в ответственное поведение и т.п. [20]. Но вместе с желанием полноценного погружения в методологическую среду и освоения методологической парадигмы, накопленного арсенала появляются вопросы о пути, способах реализации грандиозных устремлений. Непосредственное участие в дискуссиях сначала ведет к накоплению неудач и ощущению безбрежности массива локализаций сюжетов ошибочных действий с потерей нитей

мыслительных процессов. Разрывы в понимании высказываний и их соотносительности в едином процессе обсуждения выделяют проблему самоорганизации в понимании и перехода к критике, затем проблему самоорганизации в критике и совмещенности понимания, критики и самого авторского предъявления версии. Каждый человек приобретает свой опыт решения подобных проблем. Однако при отсутствии надежного метода их решения, применительно даже к обычной коммуникативной практике, крайне усложняется и удлиняется процесс адаптации и усвоения стандартов методологического взаимодействия. В нашем случае условием ускорения и прохождения этапа адаптации выступило обладание большим опытом применения техники конспектирования, схематизации текстов, наличия индивидуальных приемов и стандартов работы в понимании текстов [5]. Привыкая к условиям жестких дискуссий и заимствуя ряд типовых приемов работы с текстами, в том числе оперирования схематическими изображениями, мы усовершенствовали свой комплекс приемов, а к 1976 г. нам удалось технологически оформить логические принципы «дополнительности» и «уточняемости», что позволило ввести требования гегелевского «метода» и оформить целостность того, что мы назвали «метод работы с текстом», МРТ, ставшим основным фактором налаживания самосовершенствования и саморазвития в условиях коммуникации наиболее сложного уровня, а также в понимании наиболее сложных текстов.

Оформление технологического опыта в понимании текстов, а затем и критики, совершенствования текстов, письменных и устных, совмещение текстуальной и изобразительной схематехники с логической организацией движения мысли при

исключительной роли «метода Гегеля» выступили объективной предпосылкой эффективности пребывания в методологической мыслекоммуникации, в самой среде методологических разработок. Возникла уверенность в достижении намечаемых целей и овладении всем багажом методологии и всей мыслительной культуры. Однако это составило лишь необходимую предпосылку успеха. Осуществив большую работу по реконструкции теоретических идей в языкознании, логике, философии, психологии мышления, по оформлению содержания идей и основных положений, приступив в 1974—1975 гг. к экспериментальным опытам формирования способностей к неслучайному пониманию текстов, а затем и к мышлению в коммуникации, мы столкнулись с необходимостью выделения технологически значимого слоя рефлексивного сопровождения в решении задач и проблем комплекса МРТ. Общие особенности творческого поиска, продуктивного мышления, которые мы изучали в процессе учебы в МГУ [25; 41; 42; 43], вошли в план специального слежения в контексте решения указанных задач и организации процесса усвоения МРТ как технологического условия порождения поводов для саморазвития. Выявилось очевидное: инерция прошлых стереотипов, а также индивидуальные склонности к защите актуального состояния механизма самоорганизации являются основными факторами торможения на пути к освоению новых, субъективно сложных приемов мыслительной работы. Кантовское и фихтевское понимание рефлексии и обращенность к коррекции сложившихся способностей возникали с трудом. В рефлексии преобладала направленность на содержание мысли и, в меньшей степени, на технологическую форму мышления, но не на свою субъективность. Даже явные указания на необ-

ходимость обращения внимания на себя в ходе формируемых процедур вызывали адекватный отклик с большими задержками. Тем самым возникло обязательное требование рефлексивно-психологического сопровождения всех процессов освоения МРТ и всех технологий, средств, моделей, имеющихся в методологии. Рефлексивное реагирование на трудности перестало быть «ситуативным», становилось «систематичным». Ресурс субъективности подтягивался к требованиям технологического комплекса.

В то же время, наряду с рефлексивностью мыслекоммуникации и мыследействий в методологии, подбором наиболее сложных сюжетов в интеллектуальной практике, особую значимость имеет слой критериального, понятийно-категориального и логического обеспечения коллективной мысли. Наибольшие сложности в адаптации «обычного» интеллектуала к методологической среде возникают именно в этом слое, в освоении понятийных, категориальных, онтологических средств мышления. Чем более общими становятся содержания критериев, тем больше требований возникает для осваивающих абстракции, тем более глубокими должны быть субъективные трансформации. Последовательность углубления трансформаций дана в учении Гегеля о развитии духа [27]. Необходимой стадией для развивающегося мышления и «духа» в целом, которая адекватна методологическому комплексу требований в наиболее ответственном слое «чистого мышления», является стадия «абсолютного духа» по Гегелю, т.е. на уровне культуры мышления. Тем самым, когда дискуссии приобретают наиболее острый характер и требуется надежное критериальное обеспечение успешного завершения дискуссии, такие критерии обладают высшим уровнем абстрактности, более надежной

логической формой предстает та, которая предложена Гегелем, его «абсолютным методом» [12]. Ставя перед собой цель создания специального механизма формирования методологического мышления и необходимых методологу способностей, своего рода «инкубатора» таких способностей в 1978 г., мы опирались на опыт обучения МРТ, в котором самым сложным звеном предстало овладение логической формой в рамках принципа псевдогенеза, т.е. гегелевского метода, диалектической дедукции [2]. Неслучайно поэтому, что входящие в специально организованное сообщество, подчиненное идее трансляции методологических способностей, — «Московский методолого-педагогический кружок» (ММПК), достаточно быстро приходили к ситуации выбора либо отстранения от высоких требований овладения высшими абстракциями, сохраняя прагматические, докультурные притязания в самовыражении, либо рассмотрения этих требований как соответствующих их притязаниям и порождения готовности преодоления нового уровня сложностей в мышлении и в самоизменениях.

Для организации прохождения пути в логическом слое мышления, в освоении высших средств мышления и в рамках педагогической функции, придания неслучайности процессам субъективных самоизменений мы стали создать специфический аппарат критериальных средств психологии, подчиняя сложившиеся версии парадигмы психологии требованиям логики псевдогенеза [1]. Это были средства организации субъективной рефлексии, совмещенные с иными понятийно-категориальными парадигмами в инструментальном арсенале методологии. При переходе к практике игромоделирования потребность в таких средствах стала еще более очевидной [18].

В свою очередь освоение таких средств сопровождалось теми же затруднениями, что и при освоении иных парадигм. В самом рефлексивном мышлении основное внимание уделялось корректному соотношению моментов «естественного», т.е. материала субъективной рефлексии, и «искусственного», т.е. средств анализа, компонентов парадигмы и их комплексов. Инструментализация мышления в слоях мыследействия, мыслекоммуникации и чистого мышления, порождение интеллектуального сознания и самосознания, самоопределения и воли, вела к перспективе формалистичности мышления, неумеренного вытеснения субъективной динамики, субъективного обесценивания творческой мыслительной практики, к главенству принципа «рассудочности». Гегель обсуждал эту проблему в контексте различия между рассудком и разумом, придавая разуму способность преодоления недостатков рассудка [28]. Общей основой преодоления противоречий между «естественным» и «искусственным», в том числе «смыслом» и «значением», «материалом» и «средством», «нормой» и «ресурсом» и т.п. выступает системный подход, в котором особую роль играет различие между «структурой» и «системой» [17]. Во многом погрешности в понятийном аппарате психологии, как и в иных областях знания, предопределены неразличением или слабым различением категорий «структура» и «система», не позволяющим перейти к более высокому типу различий между «системой» и «метасистемой», без которого не возникает переход к мыслительным инструментам философии, высшим критериям организации мысли.

Подчинив создание психологической парадигмы требованиям логики псевдогенеза, т.е. диалектической дедукции, применяя эту логику во всех ответственных

процедурах арбитражного обсуждения, мы этим способствовали существенному повышению стандартов мыслетехники и рефлексии. Содержательная сторона критериальной базы о субъективной рефлексии оформилась в единое онтологическое воззрение о пути развития психики на разных этапах социализации, окультуривания, одухотворения, опираясь на прототип такой онтологической конструкции, данный Гегелем [8; 15]. Поскольку содержание версии выражено в схематическом изображении как средстве символического типа, то оно, как и другие средства мысли, придает субъективной рефлексии высокую определенность, однозначность. Эта схема синтезирует использование группы других схем, выражающих все уровни развития, переходимость от уровня к уровню развития, и этим обеспечивая реализацию диагностической, исследовательской и управленческой функций в образовательном процессе, с одной стороны, и в авторефлексии, самостоятельной диагностике и самокоррекции, с другой стороны. При освоении технологий и моделей авторефлексии и самоизменения, обеспеченных указанными критериями, роль организатора, внешнего корректора сдвигается в организацию циклов самодвижения, включающих все три слоя — действия, рефлексии и критериального сопровождения. Именно в этом и состоит основа игротехнической работы в игромоделировании как управления развитием и достижением желаемых результатов в совместном творческом поиске [11].

Интегральная парадигма средств методологии, которой мы пользуемся и которая совмещает «объективную» и «субъективную» потребность в работе с содержанием, следовательно, технологических рамок и субъективного ресурса для реализации норм, последующего

их совмещения по критерию не только результативности, но и эффективности, предстает общей основой как сущностно ориентированного процесса достижения цели, так и слежения за особенностями субъективных проявлений, изменений, роста и развития отдельных психических механизмов, их совмещенности, слежения за всеми внешними и внутренними факторами успешности и неудач. Поскольку решаемые в методологии задачи и проблемы касаются чаще судеб макросистем, например, отрасли, регионов, страны и даже глобального сообщества, то участники разработок предопределены касаться сюжетов, обладающих исторической значимостью и масштабностью. При проектировании будущего России как цивилизационной «единицы», обладающей цивилизационной неоднородностью, следами исторической динамики объемом столетий и тысячелетий, в объектное поле содержаний входит отечественная и мировая история [13; 16]. Следовательно, аналитик в подобных процедурах не только идентифицируется с тем, кого волнует динамика рассматриваемого макрообъекта, но и с участниками событий в прошлом, входящими в различные цивилизационные ниши истории. Он вырабатывает свое отношение к большим системам, к их участникам, лидерам и ведомым, использует идентификации для сравнения субъективных проявлений предшественников с теми, которые характерны для персонажей настоящего времени, для его жизненного опыта, его устремлений, и усматривания своего будущего, прогнозирования возможных реакций на будущие условия бытия, выявления наиболее приемлемого пути и т.п. Подобную трудоемкую работу мысли и чувств может проделывать и проницательный читатель, путешествуя по истории человечества благодаря чтению книг и используя

этот опыт для своего самоопределения в жизни и совершенствования себя. Иначе говоря, в подобных поисках прошлого или будущего для решения поставленных извне задач или тех задач, которые человек ставит перед собой в линии познания себя на материале идентификаций с другими, с иной жизнью, человек «дотраивает» себя в зависимости от особенностей притязаний. На этом пути возникает много вопросов, касающихся объектного устройства внешнего мира, субъективных тайн бытия внутреннего мира, многообразия способов анализа, определенности и мощности используемых критериев разного уровня и содержательной прикреплённости.

Тем самым при развернутом использовании имеющихся средств методологии можно реализовать идею эффективного самопознания, совмещая полноценное и любой сложности технологическое проектирование формы процесса самопознания в условиях решения тех или иных задач и проблем, с одной стороны, и подчинения этим требованиям за счет мобилизации механизма самокритики, с другой стороны. Если требования признаются излишне сложными и нереальными, то осуществляется снижение меры сложности до их субъективной реализуемости в пределах доступной внутренней мобилизации. Снижение требований к субъективной адаптации к требованиям ведет к предварительным версиям своего «Я», обладающим вынужденной неполнотой и неадекватностью. Преодоление этих «недостатков» является перспективной лишь при наличии долговременной установки на самопознание и осознание неизбежности учета всех особенностей социокультурного и природного пространства, их организацию в достаточно полных и надежных мировоззренческих конструкциях. Относительная

истинность современных универсальных технологий превращает саму работу по самопознанию в движение к цели, заданной лишь «потенциально», имеющее свои результативно значимые пункты, исторически зависящие от уровня развитости социокультурной практики, критериально-технологического обеспечения, фиксированных притязаний и многого другого. Полезность и необходимость прохождения пути, не ограничиваясь стихией самоорганизации и случайной динамикой мотивации, являются следствием цивилизационной зрелости общества и самого человека, ищущего подлинное своей самости и ее жизненных перспектив.

Литература:

1. Анисимов О.С. Методологическая версия категориального аппарата психологии. В. Новгород, 1989.
2. Анисимов О.С. Основы методологического мышления. М., 1989.
3. Анисимов О.С. Акмеология мышления. М., 1997.
4. Анисимов О.С. Гегель: мышление и развитие. М., 2000.
5. Анисимов О.С. Метод работы с текстами и интеллектуальное развитие. М., 2001.
6. Анисимов О.С. Методология на рубеже веков (к 50-летию ММК). М., 2004.
7. Анисимов О.С. Рефлексия и методология. М., 2007.
8. Анисимов О.С. Теоретические проблемы психологии. М., 2008.
9. Анисимов О.С. Игро моделирование, игротехника, развитие. М., 2009.
10. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 18. Цивилизационный кризис и современная Россия. М., 2010.
11. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 19. Игро моделиро-

- вание и технологическая самоорганизация, игротехника. М., 2010.
12. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 20. «Абсолютный метод» и философское мышление. М., 2010.
13. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 22. Цивилизационная история: стратегический взгляд на истоки цивилизационного кризиса. М., 2011.
14. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 23. Язык и развитие психики. М., 2011.
15. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 24. Совершенствование человека и развитие. М., 2011.
16. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 26. Историческая аналитика в позиции стратега. М., 2011.
17. Анисимов О.С. Структура. Система. Метасистема. М., 2011.
18. Анисимов О.С. Субъективная рефлексия в игромоделировании и ее понятийное обеспечение. М., 2012.
19. Анисимов О.С. Культура и духовность в мышлении стратега. М., 2012.
20. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 34. Дневник методолога (Материал для предикативной реконструкции). М., 2013.
21. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 35. Тайна гегелевской философии (методологический очерк). М., 2014.
22. Анисимов О.С. Методологические проблемы проектирования будущего России. М., 2015.
23. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 40. «Философия духа» Гегеля: методологическая трактовка. М., 2015.
24. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 41. Высшая мыслетехника в цивилизационной аналитике. М., 2016.
25. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М., 2002.
26. Гегель. Наука логики. Т.3 М., 1972.
27. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. М., 1997.
28. Гегель. Лекции по философии духа. М., 2014.
29. Кант И. Критика чистого разума. СПб, 1907.
30. Кант И. Критика чистого разума. Минск, 1998.
31. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
32. Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. М., 1967.
33. Лейбниц Г.В. Об универсальной науке или философском исчислении // Сочинения в 4 т. Т. 3. М., 1984.
34. Лепский В. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М., 2009.
35. Лефевр В.А. Рефлексия. М., 2003.
36. Лефевр В.А. О самоорганизующихся и саморефлексивных системах // Рефлексивный подход: от методологии к практике. М., 2009.
37. Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3 т. Т.1. М., 1985.
38. Материалисты Древней Греции. М., 1955.
39. Научное творчество. Под ред. М.Г. Ярошевского. М., 1969.
40. ОДИ-1 // Организационно-деятельностные игры. М., 2006.
41. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М., 1992.
42. Пономарев Я.А. Психология творческого мышления. М., 1960.
43. Пономарев Я.А. Исследование проблем психологии творчества. М., 1983.
44. Рефлексивный подход: от методологии к практике. Под ред. В.Е. Лепского. М., 2009.
45. Розин В.М. Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке. М., 2011.
46. Фихте И.Г. Наукословие, изложенное в общих чертах. СПб, 1914.

47. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. СПб, 1993.
48. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
49. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М., 1997.
50. Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. Т.1 — 2 М., 1997.
51. Щедровицкий Г.П. Рефлексия и ее проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Т.1. 2001. №1.
52. Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2004.
53. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. В 2-х т. М., 2006.

Сведения об авторе

Анисимов Олег Сергеевич

Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, руководитель методологического центра «Цивилизационные стратегии».

E-mail: humani12@mail.ru

